

А. СЕРАФИМОВИЧ

ПАЛАНТИН

Антон Серафимович
Палантин

«Автор»

2026

Серафимович А.

Палантин / А. Серафимович — «Автор», 2026

Человеку свойственно судить о мире по внешним проявлениям, но реальность редко бывает однозначной. Этот сборник рассказов — исследование таких тем, как личная ответственность, бремя вины и границы восприятия, где истина — это далеко не всегда простая совокупность случившихся событий и очевидных фактов. **Внимание!** В тексте присутствуют сцены физического и психологического насилия, упоминания домашнего абьюза и суицида. Пожалуйста, учитывайте это, если подобные темы для вас травматичны или неприемлемы.

© Серафимович А., 2026

© Автор, 2026

Антон Серафимович Палантин

Палантин

Марк сидел на койке и медленно водил пальцем по рукаву рубы. Еще утром на нем было богослужebное облачение, пахнувшее чистотой, льном и ладаном, а сейчас — оранжевый полиэстеровый комбинезон, от которого несет хлоркой. Здесь отовсюду несет хлоркой. От койки, от матраса с кожзамовым покрытием, от линолеума, от самого Марка. За несколько часов он стал частью местного интерьера.

— Отбой, уголовнички! — охранник хохотнул и вырубил свет.

— Доброй смены, Сэм, Митч, Уоррен! — слышались голоса сменившихся охранников.

— Сплюнь! Я тебе голову откручу за "доброй смены"! Сам знаешь, примета плохая!

— Да ладно тебе, мы не суеверные.

Закрылась дверь и словесная перепалка осталась за ней. Марк провел по рукаву и скользнул пальцами по собственному запястью. Знакомый детский шрам был на месте. Он ущипнул себя, надеясь проснуться. Или просто почувствовать боль. Эта маленькая физическая вспышка, конечно же, не заглушила ту бездну боли и вины, которые были в его душе. Всегда были, а теперь навалились многократно возросшим весом.

Его арестовали сразу же после служения, прямо в облачении. По подозрению в домашнем насилии и попытке убийства. Зачитали права при тех, кому он только что растолковывал слова Нагорной проповеди Иисуса "всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду". Он умолял дать ему переодеться, но присутствующий детектив с каким-то мстительным торжеством резюмировал: "Везите так". В памяти не отложилось, как его затолкали в полицейскую машину, а вот что он запомнил очень хорошо — это лицо его Кейтлин. Один из ее любимых шелковых палантинов, покрывающий голову и несколько раз обмотанный вокруг шеи. Глаза скрыты за темными очками. Она успокаивала прихожан, говорила, что это какая-то ошибка, что всё образуется. Что Господь знает правду и невинного не подвергнет наказанию.

Марк сжал пальцы еще сильнее — так, что посинели ногти, впившиеся с двух сторон в изгиб старого шрама.

* * *

Он вспоминал, как его привезли в окружную тюрьму. Грубо и буднично раздели, обработали, выдали мешковатый комбинезон. Потом допрос. Чистая комната, привинченные стол и стулья. Видеокамера. Вошел тот самый детектив, который был при аресте. Включил камеру, положил на край стола желтую папку, поближе к Марку пластиковую карточку и сел напротив.

— Для протокола: детектив МакГриффин, допрос подозреваемого Марка Станека. Марк, я обязан разъяснить вам ваши права, прежде чем мы приступим к допросу. Вы имеете право хранить молчание. Всё, что вы скажете, может быть и будет использовано против вас в суде. У вас есть право на присутствие адвоката во время допроса. Если вы не можете оплатить услуги адвоката, то вам будет предоставлен государственный защитник до начала допроса. Вы понимаете свои права, как я их вам разъяснил?

В тоне детектива скользили усталость и отвращение. Марк невидящими глазами смотрел в камеру.

— Вы понимаете ваши права?

— Что? — Марк взглянул на детектива. — Простите.

Детектив повторил формулу еще раз, чеканя каждое слово.

— Мне... Да... Да, я понимаю, спасибо. Мне не нужен адвокат. Мне нечего скрывать, — Марк перевел взгляд на стол.

— Вы готовы говорить со мной сейчас, без адвоката?

— Я... Простите, что?

— Понимая свои права, вы готовы говорить со мной сейчас, без адвоката?

— Да, да, конечно.

Детектив криво улыбнулся и слегка откинулся на спинку.

— Кем вам приходится Кейтлин Станек?

— Моя... Супруга. Жена.

— Сколько лет вы в браке?

— Четырнадцать. Нет, уже почти пятнадцать. Через месяц пятнадцать.

— Дети?

— Нет. Нет, детей нет. Господь пока не дал.

— А как часто Господь дает вам избивать свою жену?

— Что? Простите, что вы сказали?

— Как часто ты, преподобный, поднимаешь руку на свою жену, спрашиваю?

Глаза Марка расширились.

— Я не... Никогда! Я не трогал Кейтлин!

— Брось, пастор. Это перед своими прихожанами ты можешь разыгрывать святошу. Я-то знаю правду.

— Какую правду?

— Ты поколачиваешь свою супругу. Может, у вас нет детей оттого, что она не может выносить из-за частых побоев?

— Что вы такое говорите?!

— Правду, в которой ты не хочешь признаться.

Марк в ужасе оглядел комнату.

— Что, ищешь, куда спрятаться? Всё, не сбежишь. Ни от Божьего гнева, ни от человеческого.

МакГриффин раскрыл папку и вытащил две фотографии. Нарочито медленно развернул их и придвинул к Марку. На него смотрели синяки на запястьях Кейтлин с приложенной линейкой-угольником.

— Узнаешь?

— Это... Это... Это все случайно! Я не хотел... — выдохнул Марк со стоном и обхватил голову.

— Не хотел чего? Причинить боль? Или не хотел оставлять следов? А говорил "никогда".

— Да, я виноват. Здесь виноват, вы правы. Понимаете, мы ссорились. Я уже не помню из-за чего. Возможно, я каким-то образом обидел Кейтлин. В общем, мы ссорились и в какой-то момент я схватил ее за руки.

— Что было дальше?

— Я не помню... Помню, как выбежал из дома. Я хотел прогуляться, проветрить голову. Хотел уйти от конфликта, хотел остыть и поговорить спокойно. Я вернулся через несколько часов, но Кейтлин уже не было. Она оставила записку. Написала, что нам обоим надо успокоиться, что она несколько дней поживет в гостинице.

— А может, ты испугался того, что сделал?

На стол легли еще две фотографии. На первой был красный след на шее, на второй — глаз с лопнувшими капиллярами.

— Знаешь, что это? — детектив указал на след на шее. — Это называется странгуляционная борозда. Возникает от сдавливания веревкой, ремнем или тканевым предметом. А это петихии, субконъюнктивальные кровоизлияния. Они возникают тогда, когда человек на волосок от смерти от асфиксии. Давай, я расскажу как проходила ваша ссора. Ты схватил свою жену, бросил ее на кровать, набросился на нее, сорвал с нее палантин и попытался им задушить. Когда понял, что она не двигается, испугался и убежал из дома. Так же все было, преподобный?

Последнее слово детектив чуть ли не выплюнул. Марка трясло. Он зашелся в рыдании.

— Нет! Нет! — он сорвался на хриплый крик — Я не трогал Кейтлин, я не мог! Не мог! Не трогал!

— А ну прекратить истерику! Взял себя в руки! — лицо МакГриффина скривилось от безразличия.

— Не мог...

— А что мог? Что было?

— Я не помню...

— Или не хочешь помнить? Ты учишь других честности, вот и сам будь честным. Если натворил дел, имей хотя бы элементарную смелость это признать! Сиди, думай. Утром жду твой единственно возможный достойный поступок. Допрос окончен.

МакГриффин нажал на кнопку и выключил камеру. Открыл дверь, бросил: "Забирайте", — и вышел, оставив Марка наедине с самим собой.

* * *

Марк расслабил пальцы. Возле шрама красовались два ярких следа от ногтей. Легче не стало. Зато заговорил внутренний голос. Внутренний Марк, как называла его Кейтлин.

Кейтлин. Чистый и хрупкий сосуд, который был дан ему для заботы. А он так часто злился и раздражался. Завидовал тому, что она лучше его. Тому, как легко она находит общий язык с разными людьми. Он даже ревновал к ней прихожан! В том смысле, что Кейтлин, всегда такая мягкая и понимающая, могла найти слова утешения тогда, когда он в беспомощности просто открывал рот. Он боролся с этой иррациональной ревностью, со своей гордыней и тщеславием. Кейтлин его понимала. И принимала. Всегда отходила в сторону, в разговорах добавляла: "Это как преподобный Марк скажет". Самому Марку много раз говорила, что ни он ей не конкурент, ни она ему. Они делают общее дело, вместе делают, так какая разница, у кого что лучше получается? Как же он виноват перед ней... Всегда был виноват. За эти свои зависть и гнев, за то, что не смог быть для нее идеальным мужем. Его шутки были неуклюжими, его забота — детской. Но Кейтлин всегда его прощала, хоть иногда вздыхала: "Ох, когда же ты повзрослеешь?.." В эти моменты ему было особенно стыдно и неловко за самого себя.

Как жаль, что у них не было детей. Это было ежедневной болью Марка. Но даже здесь Кейтлин была сильнее и мудрее. "Значит, не время," — смиренно говорила она и шла учить чужих детей.

Она никогда не делилась своей болью сердца с Марком. Марк же постоянно вываливал на нее все свои невзгоды. Ныл. Ныл про детство, ныл про то, что не любит свое собственное имя, ныл про страх быть плохим пастором. А Кейтлин только смиренно все принимала и сочувственно вздыхала, хоть он и видел несколько раз, как она едва заметно закатывает глаза. Видимо, когда даже её невероятное терпение трещало по швам от его вечной ущербности.

Самым главным комплексом было его имя. М-а-р-к. Ни одного мягкого звука. Сухие удары. В детстве у него не было ласкового домашнего имени. Никаких уменьшительных глупостей. Ничего. Только Марк. М-А-Р-К! И совершенно непонятно, мать зовет тебя на обед или для того, чтобы устроить взбучку. За оценки, за внешний вид, за увлечения, за друзей. За то, что Марк — это Марк.

Он бунтовал. Кричал. Один раз так хлопнул по столу, что разбил кружку и осколок глубоко вошел в запястье. Крови было... Мать еще добавила по заднице. Пока они ехали в больницу, она шипела ему на ухо: "Смерти моей хочешь? Доводишь? Сиди теперь смиренно, Марк". И Марк сидел смиренно.

* * *

Вечером Марка повели на еще один допрос. Но в комнате была Кейтлин. Его Кейтлин. Ее красные, воспаленные и страдающие глаза смотрели на него с жалостью.

— Милый, не волнуйся, все будет в порядке.

— Я не понимаю, Кейтлин. Как?

— Как я оказалась здесь? Детектив МакГриффин разрешил, сказал, что будет даже полезно.

— Нет. Я про другое. Как? Почему?

— Ты что, действительно ничего не помнишь? — она как бы невзначай поправила палантин и глазам Марка предстал жуткий след на ее шее.

— Я не знаю...

— Ничего-ничего, я не держу на тебя зла. Это все враг рода человеческого, я понимаю.

— Но как же...

— Милый, медсестра в школе увидела следы, она должна была сообщить. Я умоляла ее этого не делать, умоляла детектива не открывать дело. Но и подчиниться закону тоже должна была. Я не хотела, но мне пришлось пройти освидетельствование. Ты же умный человек, ты должен это понять.

— Нет, это я понимаю. Я не понимаю вот этого, — руки в наручниках слабо шевельнулись в сторону палантина. — Я не мог.

Кейтлин быстро схватила его руки в свои.

— Милый, конечно, ты не мог сделать это в здравом уме. Это твоя страсть гнева, это не ты. Ты — самый добрый, самый наивный. Ничего, мы пройдем через это испытание. Вместе пройдем. Главное, чтобы не пострадал авторитет Церкви. Но ты об этом сейчас не волнуйся, мы что-нибудь придумаем.

Дверь допросной открылась.

— Время, — одновременно безразлично и настойчиво бросил охранник.

Кейтлин встала, поправила шелковый палантин. Обернулась в дверях:

— Но вообще-то ты можешь помочь. Сделай то, что необходимо делать каждому христианину. Покайся, Марк.

И вот, сидя на пропахшей хлоркой койке, Марк понял, что он действительно хочет покаяться.

* * *

Настойчивый звонок телефона выдернул Кейтлин из душа. Она второпях вытерлась и бросилась к стационарному аппарату в гостиной.

— Да, алло.

— Миссис Станек?

— Да, слушаю.

— Это преподобный Джеффри Хиггинс. Я тюремный капеллан.

— Да, преподобный. Слушаю вас. Что-то случилось?

— Я насчет вашего мужа, преподобного Марка Станека. С прискорбием сообщая, что прошлой ночью его не стало.

— Как?.. — голос Кейтлин задрожал. — В том смысле, мы же вчера разговаривали!

— Вдвойне прискорбно, что он решил совершить суд над собой. Очень вам соболезную. Но есть формальности. Нужно будет забрать тело. Также с вами свяжется детектив Миллер, которая ведет это дело.

— А детектив МакГриффин?

— Простите, я всего лишь капеллан, не могу ответить на все ваши вопросы. Поговорите потом с детективом. Еще раз соболезную.

Кейтлин поджала губы и взглянула на свое отражение в зеркале у столика с телефоном. Еще молодая, красивая женщина. Только безобразный след на шее от её же шелкового палантина. С минуту она рассматривала эту нелепую кляксу, потом вздохнула и пошла искать мобильный телефон, чтобы загуглить контакты похоронного агентства.

* * *

Марка хоронили через неделю. Община была против его погребения у церковной ограды, поэтому место для могилы выбрали в отдалении, на окраине кладбища. Проститься с падшим пастырем решились только три-четыре человека. Да и то ради Кейтлин. Люди искренне восхищались этой женщиной. Проповедь пастора, присланного на временную замену, была простой, короткой, дежурной. О всепрощении любящего Бога, о надежде не впасть в искушение. Даже могилу закапывали второпях, стараясь побыстрее перевернуть эту постыдную страницу.

Зато поддержать Кейтлин после похорон пришли целыми семьями. Слова сочувствия, слезы и искренние объятия. Разошлись через несколько часов, порядком утомив хозяйку. Закрыв дверь за последним визитером, Кейтлин скинула неудобные туфли и направилась к зеркалу в ванной. Освободив шею, она в очередной раз начала рассматривать уже заживающие следы. Школьное руководство дало ей неделю выходных. Очень кстати — Кейтлин была без сил. Но послезавтра надо будет сходить в полицию. Детектив Миллер будет ждать её в участке.

— Как это все неудобно.

* * *

— Миссис Станек, проходите, пожалуйста, — поджарая женщина лет сорока пяти открыла дверь кабинета и указала Кейтлин на стул.

— Прежде чем мы начнем, примите мои глубочайшие соболезнования.

— Спасибо, офицер.

— Детектив.

— Да, простите, детектив.

— Мне очень жаль, что вам пришлось пройти через настоящий кошмар. Но мне необходимо задать вам несколько вопросов. Я включу запись, если вы не возражаете.

— Конечно, детектив, я понимаю.

Миллер щелкнула кнопкой тонкого диктофона. Сухо и четко проговорила необходимые формальности и обратилась к Кейтлин:

— Миссис Станек, расскажите о беседе с детективом МакГриффином.

* * *

После урока Кейтлин поехала в полицию. Детектив, которому поручили её дело, оказался немного грузным мужчиной средних лет с добродушным лицом. Он положил на стол диктофон и скороговоркой продиктовал дату и время опроса, а также номер заведенного дела.

— Миссис Станек, меня зовут детектив МакГриффин. Хочу сказать вам, что вы — очень смелая женщина. Вы буквально выжили в аду. Теперь осталось поставить точку в этой истории, и она завершится для вас навсегда.

— Спасибо, детектив. Только я не буду писать заявление.

— Этого не требуется. Но медицинское освидетельствование вам пройти придётся.

— Я не понимаю. Я не хочу! Это была случайность... — Кейтлин расплакалась.

— Миссис Станек, после того ужаса, через который вам пришлось пройти... К сожалению, часто бывает, что жертва защищает своего агрессора. Ничего, постепенно вы придете в себя. Главное, знайте, что вы в безопасности, вы освободились.

— Он мой муж...

— Понимаю вас. Но человек, который сделал подобное, — преступник. Не хочу вас пугать, но тот, кто хотя бы однажды применил удушение, с большой вероятностью повторит это. По статистике смертность в подобных ситуациях очень высокая. Сейчас вы должны защитить себя.

Кейтлин слабо всхлипнула.

— Не бойтесь, я дам вам сопровождающего офицера. Кстати, в рапорте не указано, кем работает ваш муж.

— Он... он... пастор.

— К сожалению, это не редкость. В религиозных семьях бытовое насилие применяется довольно часто.

— Но как же... Он же Божий человек!..

— Поймите, после того, что он сделал, он кто угодно, но не Божий человек.

— Ну это же случайность! Марк часто устаёт, иногда настолько, что становится вспыльчивым...

— Так это не единичный случай?

— Да. То есть нет. Я не это хотела сказать!

Детектив лишь понимающе кивнул и сделал пометку в бланке опроса.

* * *

Миллер смотрела на красный огонек своего диктофона.

— Вы не хотели обращаться в полицию, не так ли?

— Да, — Кейтлин сложила руки на коленях.

— А кто сообщил?

— Наша школьная медсестра.

* * *

На все дни до конца недели отпроситься не получилось. Мистер Джонсон настаивал на том, что в пятницу Кейтлин заменить будет некем. Голос к этому времени немного восстановился, зато полоса налилась. Кейтлин замотала шею тем самым злосчастным палантином и пошла на работу. Первый урок прошёл спокойно, никто вроде ничего не заметил. Зато сразу после него в класс забежала Челси, молоденькая школьная медсестра. Она считала, что они с Кейтлин подруги, хоть та и была старше.

— Кейтлин, дорогая, привет! Я сегодня утром встретила мистера Джонсона, он сказал, что у тебя ангина. Может, тебе чего-то нужно?

— Привет, Челс. Нет, спасибо, все хорошо.

— Пстой, а ну-ка посмотри на меня.

— Что такое?

— Что с твоими глазами, Кейт?

— Ничего. А что с ними не так?

— Так, это не ангина. Ну-ка быстро снимай шарф.

— Брось, ты чего!

Челси сама протянула руку и дернула край шёлка. Палантин соскользнул, на секунду обнажив багрово-синюю полосу. Кейтлин запоздало перехватила её запястье:

— Челс, правда, не стоит...

— Это... Кто это сделал, Кейт?

Медсестра отшатнулась и прижала руку к губам. Кейтлин мелко задрожала:

— Понимаешь, мы с Марком накануне поссорились...

— Кейт...

— Челси, прошу. Мы же подруги, прошу, пожалуйста...

— Именно потому, что мы подруги, Кейт.

* * *

Миллер порылась в бумагах и извлекла необходимый документ.

— Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, телесные повреждения в виде гематом на запястьях и странгуляционной борозды на шее получены в один и тот же день. Судя по проставленной дате заключения и указанному в нем времени получения травм, около двух недель назад, верно?

— Да. Кажется...

— Я понимаю, это может быть болезненным, но не могли бы вы вспомнить, что тогда произошло?

* * *

Когда Марк пришел домой, то попытался закрыть входную дверь как можно тише. Но та всё равно хлопнула.

— Дорогой, это ты? Я в спальне.

Марк радостно бросился в комнату. Кейтлин сидела перед трюмо.

— Кейтлин, милая, я тебя так люблю... — Марк опустился на пол и обнял ее колени.

— Спасибо, глупенький. Ты так говоришь, будто мы неделю не виделись, — Кейтлин погладила его по голове.

— Будто и не виделись. Знаешь, я очень соскучился по тебе. Если я виноват, прости меня, пожалуйста.

— Ну что ты, что ты!

— Я тут думал: может, ты и права была тогда. Мне не хватает мудрости и терпения. Слава Богу, что у меня есть ты. Даже не представляю, как бы я нёс служение, если бы тебя не было рядом.

— Марк, ты же знаешь, я считала, что тебе рано становиться пастором. Да и сейчас считаю, что ты совершил ошибку, — Кейтлин отстранилась и встала.

Марк тоже поднялся на ноги.

— Милая, ты чего? И я же просил не звать меня по имени.

— Так, ну всё, хватит. Марк — это твое имя, в конце концов. Я устала выдумывать, как к тебе обращаться, чтобы не ранить твои нежные чувства. Тебе не кажется, что пора принять себя и повзрослеть?

— Кейт, что на тебя нашло?

— Ничего, Марк. Я просто устала. Я хочу быть твоей женой, а не мамочкой. Устала тянуть всё на себе. И я всерьёз уже думаю, что Господь не даёт детей потому, что у нас уже есть один большой ребенок.

Марк повернулся, собираясь покинуть комнату.

— Как предсказуемо. Ты даже не способен обсудить проблему, бежишь от неё.

Это заставило Марка обернуться.

— Пожалуйста, пожалей...

— Жалость унижает, Марк.

— Прошу тебя!

— Нет, Марк, это я тебя прошу. Первый шаг к исцелению — это признание болезни.

— Какой болезни? Ты о чём?

— Нашей, Марк. Какой же ты пастырь, если не способен даже нормально поговорить с женой?

— Замолчи, замолчи! — Марк сорвался на крик.

Кейтлин шагнула к нему вплотную:

— Юпитер, ты сердишься — значит, ты не прав.

Марк схватил её за руки — пальцы побелели, впиваясь в запястья. Его взгляд стал диким и затуманенным. Он оттолкнул её на кровать...

* * *

— Я плохо помню подробности, — Кейтлин поёрзала на стуле. — Помню, мы поругались из-за какой-то мелочи, Марк пришел домой усталый и взвинченный. Схватил меня во время спора и толкнул на кровать.

Миллер выжидательно смотрела на Кейтлин.

— Прошу вас, продолжайте.

— Простите... Всё как в тумане... — Кейтлин разрыдалась.

Детектив немного смягчилась. Она достала салфетки из ящика и очень осторожно придвинула их поближе к Кейтлин.

— Скажите, именно тогда он попытался вас задушить?

— Он мог... Он мог, он сделал это...

— Так мог или сделал?

— Сделал, потому что мог... — Кейтлин собрала все силы, чтобы успокоиться.

— Чем?

— Моим палантином. Детектив МакГриффин изъясил его в качестве вещественного доказательства.

Миллер еще раз заглянула в заключение судебно-медицинского исследования.

— Да, вижу. Характер борозды совпадает с материалом палантина, на коже остались микроволокна ткани. Помните, что было дальше?

Кейтлин глубоко вздохнула и продолжила:

— Когда я пришла в себя, Марка уже не было дома. Я написала записку, чтобы он меня не искал, взяла кое-какие вещи и уехала в гостиницу. Оттуда позвонила нашему директору, мистеру Джонсону, сказала, что заболела ангиной, и попросила выходные.

Детектив Миллер какое-то время молча смотрела на Кейтлин, сидевшую с опущенной головой.

— Что ж, благодарю, миссис Станек. Детектив МакГриффин хоть и оказывал чрезмерное давление на подозреваемого во время допроса, но в остальном все сделал верно. Еще раз благодарю за вашу помощь.

Детектив озвучила время окончания опроса и выключила диктофон.

— Да, последняя просьба: оставьте, пожалуйста, адрес гостиницы, в которой вы были после ссоры с мужем.

Кейтлин оставила адрес той гостиницы, в которой прожила эти дни. Но не того мотеля, в который поехала сразу после ссоры с Марком.

* * *

Марк толкнул её на кровать и вылетел вон. Внизу тяжело грохнула входная дверь.

Всё же сильно схватил. Будут синяки. Но это даже хорошо. Вина и последующие извинения лишними не будут.

Кейтлин начеркала записку: "Дорогой, нам обоим надо успокоиться. Поживу несколько дней в отеле. Прошу, не ищи и не звони. Дай нам время". Положила в гостиную у телефона. Собралась и спокойно ушла.

Грубые руки, мотель в часе езды от родного города. Кейтлин не потрудилась запомнить имени мужчины, который был с ней в тот вечер. Но ей льстило, что он моложе неё, в отличной физической форме. Ей нравился секс. Не до такой степени, чтобы признаваться в этом Марку, с Марком — это инструмент дрессировки. Но себя лишать удовольствия Кейтлин не собиралась. Потому и были встречи в motelах.

Ей нравилось жёстко, и тело, которое находилось рядом, это хорошо чувствовало. В какой-то момент оно дотянулось до брошенного на пол палантина и затянуло у неё на горле. Сначала был взрыв удовольствия, а потом она стала задыхаться по-настоящему. Началась паника. Кейтлин попыталась извернуться, попыталась скинуть с себя молодое тренированное тело, но то даже не отреагировало на её жалкие потуги. Или восприняло их как проявление сладострастия и только усилило напор. Кейтлин подумала, что всё, конец, и потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, растерянное тело пыталось вызвать скорую.

— Повесь трубку, придурок, — прохрипела Кейтлин.

— Лежи, лежи. Я нечаянно, перестарался, думал, ты того.

— Быстро собрал свои вещи и свалил.

— Да, да, конечно!

— Быстро, я сказала!

Тело, путаясь в штанинах и пытаясь натянуть футболку, вылетело за дверь.

Кейтлин, полежав и отдышавшись, пошла в ванную. Её слегка пошатывало, шею саднило нестерпимо. Она посмотрела на себя в зеркало. Яркая безобразная полоса шла вокруг её идеальной шеи.

— Придурок! Какой же придурок! — ей не хватало зла на своего любовника. Она не помнила, получила ли оргазм перед тем, как потеряла сознание и чуть не задохнулась. А теперь... Это. Ещё и капилляры в глазах полопались.

* * *

Через пару недель после визита к Миллер Кейтлин получила официальное уведомление об окончании расследования. Она стояла перед трюмо, снова и снова перечитывая эти сухие строки. Затем достала из сумочки начатый блистер противозачаточных и небрежно бросила его на столик, прямо к флаконам с косметикой.

Что ж, по крайней мере их больше незачем прятать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.